

P1/c132)

K 29

Катанский, В.

Стихотворения

cka

K 41948

9. II.

T/10

8161h A

9054

O

□

12836 Р(с132)
Т/к К 29
V
81614
V 41918
ооооо

СТИХОТВОРЕНІЯ

Евсрима Львовича

КАТАНСКАГО,

Секретаря Тульской Уѣздной Полиціи.

ЧАСТЬ II-я.

Изданіе А. Д. ЛЬВОВА.

ТУЛА.

Типографія и литографія Е. И. Дружининой, Кіевская ул., д. Кольцова.

1894.

СТЕПАНОВ

28-й на 1894

КАТАЛОГ

Дозволено цензурою. Москва. 4 Мая 1894 г.

Иванов А. А.

1894

1894

У Кремля.

Полвѣка мнѣ! И я съ тобою
Встрѣчаюсь—Русскій великанъ!
И вижу вотъ—какъ надъ Упою
Раскинуть твой могучій станъ.
Предъ грудью мощною твоею
Я приклоняюсь челомъ:
Ты мнѣ твердынею своею
Напоминаешь о быломъ.
Съ зубчатыхъ стѣнъ твоихъ не годы,
А смотрятъ цѣлые вѣка!
Ты былъ, ты жилъ, когда невзгоды
Терпѣла Русская земля.
Врагу и другу ты оплотомъ
Служилъ надежнѣйшимъ въ войнѣ!
Въ твоихъ стѣнахъ мятежъ Болотовъ
Искалъ спасенія въ бѣдѣ;
Съ твоей могучей грудью Шуйскій
Въ борьбѣ всѣ силы истощилъ,
И былъ бы въ проигрышѣ, князь русскій,
Когда-бъ Упы не запрудилъ.—

Одна лишь водная стихія
Сбороть тебя тогда могла!
Ты былъ скалою, и Россія
Тобой спасалася отъ зла,—
Завидѣвъ вражія кибитки,
Народъ бѣжалъ къ тебѣ толпой,
Тутъ укрывалъ свои пожитки
За богатырскою спиной:
А самъ, усѣвшись за зубцами
Твоихъ могучихъ сильныхъ плечъ,
Слѣдилъ за вражьими дѣлами,
Старался бить врага и жечь.—
И ты смотрѣлъ невозмутимо
На жизнь, на смерть; по временамъ
Слѣдилъ за всѣмъ неутомимо,
Чтобы повѣдать намъ, сынамъ,
О всемъ быломъ, что пережито
Отцами нашими въ вѣкъ свой,
Какъ ложно счастье, зло сердито
Въ идеѣ міра бытовой.
Скажи же мнѣ—старикъ маститый!
Какъ до бездолія дожилъ:
Давно ли славу рокъ сердитый
Твою могучую сгубилъ?
Теперь я вижу—ты въ отставкѣ
И съ горя страшно посѣдѣлъ!

И по лицу и по изнанкѣ,
 Такъ видно,—ты осиротѣлъ!
 Герой тебя не почитаетъ
 И рать забыла мочь твою,
 Твоя твердыня укрываетъ
 Однихъ безпаспортныхъ семью!
 На сердцѣ—два соборныхъ храма,
 А за спиной—соборъ гулякъ,
 Винъ всевозможныхъ панорама—
 И пьетъ за все твое тулякъ.

Невѣдомая помощь.

Вотъ полночь тихо наступила,
 Пѣтухъ въ пол-ночный часъ пропѣлъ,
 Окрестность эхо отразила
 И ангелъ смерти прилетѣлъ.—
 Кончину чувствуетъ больная,
 На грудь скатилася слеза,
 Глядитъ на образъ и, рыдая,
 О дѣтяхъ молится она.—
 „Тебѣ, о Боже, поручаю
 Несчастныхъ двухъ сиротокъ я,
 Ихъ, умирая, покидаю
 Съ одной надеждой на Тебя!“
 Молитву вздохомъ заключила,

Но какъ тяжель былъ этотъ вздохъ?
Больная спящихъ разбудила
Въ часъ полуночный для тревогъ.—
Сестра и братъ бѣгутъ къ родимой.—
„Мама, мама, что съ тобою!?“
Но вотъ чуть слышенъ голосъ милой—
Мама шепчетъ имъ съ мольбою:—
„Не плачьте миленькія дѣти.
Я поручила Богу васъ
И расстаюся не на вѣки:
За гробомъ тамъ увижу васъ!
О всемъ теперь просите Бога,
Онъ не оставитъ васъ ни въ чемъ:
Онъ кормитъ сираго, убога
И вамъ поможетъ Онъ во всемъ.“—
Затѣмъ цѣлуетъ и рукою
Сѣнитъ головки ихъ крестомъ,
И той минутой роковою
На вѣкъ уснула мирнымъ сномъ.—
Ужасно дѣти зарыдали,
На вѣкъ разставшия съ родной;
Сосѣди плачъ ихъ услышали
И къ нимъ сошлись со слезой;—
Омыли тѣло, снарядили,
Зажгли свѣчу въ углу святомъ,

Трупъ на скамейку положили,
Накрыли бѣлымъ полотномъ.—
Недолго послѣ толковали —
Какъ имъ, сосѣдамъ, поступить:
Покойной вещи распродали,
Собрались въ полдень хоронить.—
Готово,—гробъ внесли тесовый,
Кладутъ покойницу въ него,
Обрядъ окончивши надгробный,
Подняли на плечи его;
Снесли на кладбище—въ могилу,
Тутъ прахъ засыпали землей,
Отпѣлъ священникъ панихиду
И разошлись всѣ домой.—
Но дѣти съ мамой не разстались—
Они рыдали до зари,
На небѣ звѣзды показались,
Когда они домой пришли.—
Сестрѣ пятнадцать лѣтъ отъ роду,
А брату было только семь,
И вотъ сестрѣ пришлось по дому
Теперь одной смотрѣть за всѣмъ.—
Ихъ мать, покойница, томилась
Въ борьбѣ съ злосчастною судьбой:
Съ тѣхъ поръ, какъ съ мужемъ раз-
лучилась,

Отъ ней всегда бѣжалъ покой.—
Дѣтей, несчастная, кормила
Съ копѣйки честной — трудовой—
Бѣлье стирала, полы мыла—
И тѣмъ питалась съ семьей.—
Сестра спать брата уложила,
Сама задумалась — какъ жить?
Искала средствъ, не находила,
Ужели по міру ходитъ?
Съ сумою жизнь — загробнымъ адомъ
Ей, несчастной, представлялась.
Склонивши голову надъ братомъ,
Сестра горько разрыдалась.—
„Мой милый братъ! какъ жить мы будемъ?
Несчастны мы съ тобой кругомъ,—
Какимъ трудомъ хлѣба добудемъ
И какъ мы по міру поидемъ?
Вѣдь этотъ городъ намъ не родной—
Откуда-жъ помощи намъ ждать?
Теперь не разъ, ложась, голодный
Ты будешь грудь мою терзать!
Въ лицѣ малютка измѣнялся,
Какъ будто что припоминалъ,
Вдругъ что-то вспомнилъ, приподнялся,
Сестру рученкою обнялъ.—

„Сестрица милая!—ты плачешь,
Не плачь!—я горю помогу;
Гдѣ Богъ живетъ?—ты вѣрно знаешь,
Скажи,— я сбѣгаю къ Нему!
Ужели, милая, забыла
Ты то, что намъ велѣла мать?
Она насъ Богу поручила,—
Ему велѣла содержать!
А мама наша лгать не станетъ
И такъ не бросила бы насъ;
И Богъ навѣрно все то знаетъ,
И все подѣлаетъ для насъ!
Онъ денегъ дастъ, и мы съ тобою
Закупимъ все, что нужно намъ;
Такъ лучше, чѣмъ идти съ сумою
Поклоны мѣрить богачамъ;
Мы денегъ займы просить будемъ:
Я выросту, Ему отдамъ,
Пойдемъ къ Нему, всего добудемъ!
Онъ не откажетъ въ нуждѣ намъ.“
До Бога, другъ, отъ насъ далеко,
Такъ лучше мы письмо пошлемъ;
Забудь ты все и спи глубоко—
Нужду мы завтра обойдемъ;
Кой-что продамъ и вотъ съ тобою

Мы безъ нужды день проведемъ,
Съѣдимъ, что будетъ и зарею
Опять къ мамашенькѣ пойдемъ.—
Вотъ утро, солнце ужъ свѣтило;
Сестра ушла изъ хаты вонъ,
А мысль малютку шевелила,
Съ постели приподнялся онъ,
Досталъ перо и клочъ бумаги,
И что то вдругъ писать началъ;
Окончилъ, съ геніемъ отваги
Собрался онъ и убѣжалъ.—
Бѣжитъ онъ улицу, другую,
Вотъ видитъ—ящикъ на углу,
Перебѣжавши мостовую,
Съ отрадой бросился къ нему.—
Но вотъ бѣда прибитъ высоко,
Его рука недостаетъ,
И опечаленный глубоко
Съ досады мальчикъ слезы льетъ;
И что-бъ поладить съ высотой
Онъ такъ и сякъ съ письмомъ хитрилъ;
Въ то время тою стороною
Священникъ старый проходилъ;
Онъ видитъ трудъ и трудъ напрасный;
Свою услугу предложилъ

И мальчикъ очень благодарный
Тотъ-часъ письмо ему вручилъ.—
Но то письмо ужъ такъ курьезно—
Нельзя и въ ящикъ опустить,
Задумался старикъ серьезно,
А самъ на мальчика глядитъ.—
Рубашка черная, худая
И шапка смотритъ доскутомъ;
Погода вѣтрена—сырая,
А мальчикъ бѣдный босякомъ.—
Не случай то простой устроилъ,
А Богъ священника послалъ,
Что бы сиротокъ онъ пристроилъ,
За ними въ жизни наблюдалъ.—
Священникъ видѣлъ несомнѣнно
Десницу Божию въ судьбѣ,
И, ей покорствуя, смиренно
Зоветъ вотъ мальчика къ себѣ.
Зашолъ съ нимъ въ домъ и взявъ что надо,
Къ сироткамъ въ гости онъ идетъ,
Въ сиротской хатѣ душно—смрадно,
Но радость дѣтская цвѣтетъ.—
Священникъ дѣтямъ объясняетъ,
Что Богъ письмо ихъ получилъ
И чрезъ него имъ общаетъ

Хранить ихъ такъ, какъ и хранилъ;
И въ заключенье своей рѣчи
Подалъ имъ узелъ небольшой,
Затѣмъ, назначивъ время встрѣчи,
Благословилъ, пошолъ домой.—
Теперь сиротки веселились:
Надежда въ ихъ сердцахъ жила,
И на могилѣ появились
Большихъ два розовыхъ куста.—
Пришолъ вотъ праздникъ Вознесенья,
Въ большіе звонять колкола,
Народъ сзываютъ для моленья,
Народу движется толпа;
Народомъ полонъ храмъ соборный,
Горитъ премножество свѣчей,—
Великій праздникъ—день удобный
Для силы пастырскихъ рѣчей.—
Обѣдня кончилась, всѣ ждали,
Чтобъ приложиться ко кресту,
Но вотъ съ крестомъ, вдругъ увидали,
Священникъ вывелъ сироту;
Досталъ письмо, его читаетъ,
Оно въ сердцѣ бьетъ тревогу,
Въ письмѣ малютка излагаетъ
Простымъ слогомъ просьбу къ Богу.—

Къ письму такому добавляетъ
Священникъ все, что нужно знать,
Во имя Бога приглашаетъ
Посильно помощь оказать.—
Цѣлуютъ крестъ, звенятъ деньгами
И куча денегъ все растетъ...
Кто вѣренъ друженъ съ небесами,
Тотъ на землѣ не пропадетъ!

У ногъ умершей.

Умерла моя супруга!
Еще солнце не взошло,
Положили на столъ друга
И убрали хорошо!
Затеплилась свѣча Богу,
Закурился ѳиміамъ!
И настало время вздоху,—
Нежеланнымъ суетамъ.—
Лампадъ блѣдно освѣщаетъ
Образъ Дѣвы Пресвятой,
На распѣвъ псалтирь читаетъ
Чтецъ съ унылою душой;
Сошлись люди, со слезами
На жену мою глядятъ
И бесѣду съ небесами

О покойницѣ творять.—
Вотъ и солнце засвѣтило!
Но свѣтъ блѣденъ, какъ луны;
Знать и солнышку не мило
Видѣть трупъ моей жены!
Что же я стою спокойно—
Равнодушень, какъ чужой?
Или сердцу ужъ не больно,
Иль трупъ вижу не родной?
Иль изъ глазъ изсякли слезы
И въ груди остыла кровь;
Или въ лобъ запали грезы
Про минувшую любовь?
Ужель вѣрно разсуждаютъ,
Что всѣ дружбы до гробовъ,
А у гроба пропадаютъ,
Отлетаетъ и любовь?
Потому я не смущаюсь,
Что не такъ тебя люблю,
Хоть съ тобой я разлучаюсь,
Но любви не измѣню!
Съ твоей грудью въ гробъ тѣсномъ
Любовь ляжетъ и умретъ,
И въ одномъ краю завѣтномъ
При свиданьи оживетъ!

Въ дорогѣ—ночью.

Вьюга все перемѣшала!
Ничего не разберешь:
Всѣ примѣты поубрала
И дороги не найдешь!
Колобродимъ ночью въ полѣ,
Тонемъ въ снѣжной глубинѣ,
Тройка сытая и въ холѣ
Везетъ съ клячей наравнѣ;
Кнутъ визжитъ въ рукахъ Данилы,
Съ свистомъ скачетъ по спинамъ,
Но лошадки приуныли—
Не везутъ, вези хоть самъ!
Вотъ рванулись, да и стали:
Сани врѣзались въ сугробъ;
Кони дружбу потеряли:
Порываются вразбродъ!
Коренникъ налегъ, свалился,
Бьетъ копытомъ по санямъ;
Лѣвый, Грачъ, разгорячился—
Хватъ! постромки пополамъ.—
А Жаръ съ правой на пристяжкѣ
Бѣду больше сгородилъ:
Потянулъ и при натяжкѣ
Головашки отломилъ.—

Все разладилось въ отдѣлку,
Хоть сиди, да волкомъ вой!
Знать попали въ передѣлку,
Гдѣ замѣшанъ домовой!
Но вдали огни мелькаютъ—
Ужъ не сборище-ль бѣсовъ,
Али волки поджидаютъ
Смерти смѣлыхъ ѣздоковъ?
Слѣзъ Данила, началъ ладить,
Да ума не приберетъ:
Впотьмахъ трудно дѣло справить:
Вьюга ладу не даетъ.—
Бѣда общая равняетъ,
Слышу я—Данилъ ворчитъ,—
Племя сытое ругаетъ,
На меня бѣду валить.—
„Вишь и съ хлѣбомъ онъ скучаетъ,
И въ селѣ не хочетъ жить;
Его въ городъ позываетъ
Хоть въ куру, а надо плыть.—
Завтра будетъ пѣть дѣвица
Изъ французской стороны,
А дѣвица та —жаръ птица,
Видишь, чудной красоты!
На красотокъ они падки,

Ужъ такой значить заводъ,
Богу скупъ зажечь лампадки,
Для красотокъ готовъ въ мотъ!
Бѣдняка хлѣбомъ не ссудить,
А коль ссудить? обдереть;
А съ красоткою не тужить,
Хоть имѣніе пропьетъ.—
Вотъ за то то доля злая
И постигла теперь насъ,
И могила снѣговая
Пастъ разинула для насъ.—
Ни за грошъ измучилъ тройку
И всю сбрую изорвалъ;
За ничтожную пятерку
Вотъ и я теперь пропалъ!
Къ ладу дѣло не приходитъ
И не сладить его мнѣ,
Чую—смерть ко мнѣ подходитъ,
Костенѣютъ члены всѣ.“—
Дѣлать нечего скидаю
Енотъ съ плечъ своихъ долой,
Слѣзъ съ саней и пособляю
Ладить въ пухъ разбитый строй.—
Вотъ ужъ утро—разсвѣтаетъ,
Когда кончили съ бѣдой;

До костей дрожь пробираетъ,
Насквозь нижетъ вѣтеръ злой.—
А дрема долить—нѣтъ силы,
Такъ и хочется уснуть;
Но Богъ далъ мы изъ могилы
Съ свѣтомъ тронулися въ путь.—
Не по слѣду, безъ дороги
Колобродимъ по полямъ;
Вотъ уставши отъ тревоги
Чтемъ молитвы къ небесамъ!
Просимъ милости у Бога,
Заступленья у Святыхъ,
И даемъ обѣтовъ много,
Чтобъ остаться намъ въ живыхъ.—
Вдругъ такъ буря загудѣла,
Что слышали мы звонъ;
Напастъ разомъ отлетѣла
И забылася какъ сонъ.—
Тройка мигомъ повернула,
На звонъ колкола идетъ;
Вотъ и намъ дымкомъ пахнуло,
И пѣтухъ, слышемъ, поетъ;
Вьюга пылью застилаетъ
Всѣ предметы впереди,
Счастье мимо насъ летаетъ,

А все нѣтъ его, пожди!
Наконецъ вотъ кони стали
Передъ снѣжною горой,
Головами замахали,—
Словно вотъ пришли домой.—
Мы съ саней—и въ мигъ обходимъ
Ту волшебную гору,
Подъ горою той находимъ
Занесенную избу;
Изъ сѣней ея клубится
Паръ волнистою струей;
Слышно въ хатѣ мать бранится
Съ малолѣтней дѣтворой;
Плачутъ дѣти, просятъ хлѣба,
Мать старается унять,—
Обѣщаетъ до обѣда
По картошечкѣ имъ дать. —
Всходимъ мы—и все умолкло,
Никто больше не кричитъ,
Смотрятъ дѣти на насъ робко,
А ихъ мать намъ говоритъ:
„Что, кормилицы, вамъ надо,
Что пожаловали къ намъ?
Коль отъ бури? принять рада—
Будетъ мѣсто вамъ и намъ.“

Ей мы просьбу объяснили,—
Привели коней къ сѣнямъ,
Имъ соломы положили,
Сами-жъ въ хату—по угламъ
Размѣстились, да и смотримъ.
На житье тѣхъ горемыкъ;
И въ ихъ жизни то находимъ,
Къ чему сытый не привыкъ.—
Въ хатѣ душно, сыро, грязно,—
Всѣ дѣтишки въ лохмотахъ;
Мать одѣта безобразно,
Цыпки видны на ногахъ;
На палатахъ зипунишка,
Да изорванный платокъ;
На столѣ двѣ ложки, миска,
Подъ загнутою горшокъ;
На божницѣ образочекъ
Дымной копотью покрытъ,
Подъ божницей пузыречекъ
Водой чистою налить;
У печи стоятъ ухваты,
Да худое рѣшето.—
Вотъ богатство всей той хаты!
Больше нѣтъ въ ней ничего.—
Пять малютокъ просятъ хлѣба,

Мать картошекъ имъ дала:
За курою для обѣда
Хлѣба, вишь, не принасла.—
Вотъ какъ мужа схоронила,
Съ тѣхъ поръ кормится сумой;
Но съ сумою не ходила
Цѣлыхъ два дня за курой.
Что тутъ дѣлать? мы голодны
И съ голодными сошлись,
Но душою мы спокойны:
Мы отъ гибели спаслись!
И минута роковая
За сиротъ минула насъ,
Въ томъ видна воля святая
И цѣль Божія для насъ.—
Ихъ понялъ и мой Данила—
И досталъ свою мошну;
Вотъ послѣдняя полтина
Пала въ дѣтскую суму.—
Съ вечеровъ, баловъ народныхъ
Возвращался я съ тоской,
А со дневки у голодныхъ
Ѣхалъ съ радостью святой!

Гроза.

Черная туча
Небо покрыла,
Солнце померкло,
Буря завыла;
Ударъ громовой
Вдругъ разразился
И лѣсъ зашумѣлъ
Прудъ запѣнился;
Жизнь по застрѣхамъ
Попрыталась вся,
Громы грохочутъ,
Трясется земля,
Молньи зигзаги
Сверкаютъ кругомъ,
Смерть для отваги
Летаетъ съ огнемъ;
Блеснетъ и разомъ
Готовъ на тотъ свѣтъ;
Съ раемъ иль адомъ
Мирися въ моментъ!
Смертный! подумай
О долѣ своей,
Сердца послушай—

Покайся скорѣй!
Кто про то знаетъ,
Быть можетъ, сей-часъ
Молнья нагрянетъ
И ты вотъ отъ насъ
Взлетишь на небо,—
На судъ ко Творцу,
И тамъ узнаешь
Къ какому вѣнцу
Тебя назначить,
И горе тебѣ!
Если Богъ скажетъ:
„Ступай къ сатанѣ.—
Съ горемъ ты станешь
Предъ злымъ сатаной,
Въ адѣ увидишь
Іуду съ сумой,
Пилать, Каіафа
Стоять по бокамъ...—
Вотъ и пристанешь
Ты къ этимъ друзьямъ!

На кладбищѣ г. Ефремова.

На душѣ-ль кипитъ тревога!
Сердце-ль чувствуетъ тоску!

У меня одна дорога—
Я на кладбище иду.—
Тамъ дуброва зеленѣетъ
И въ ней Божій храмъ стоитъ,
Ароматъ съ цвѣточковъ вѣетъ,
Грудь разбитую крѣпитъ;
Тамъ раздолье вълюбомъ мѣстѣ,
Много пищи для ума,
Грусть и радость живутъ вмѣстѣ
И нѣтъ ссоры—тишина!
Тамъ народъ другой природы—
Не капризенъ и не гордъ;
Тамъ о жизни нѣтъ заботы,
Нѣтъ тамъ вздохомъ и хлопотъ.—
Геній мой туда стремится,
Мнѣ покоя не даетъ;
Справитъ тризну, поклонится
Дружба вѣрная влечетъ.—
Гдѣ столѣтнія вершины
Надъ могилами шумятъ,
Тамъ въ ряду могилъ могилы
Мнѣ любезныя лежатъ;
Лежатъ рядомъ возлѣ храма,
На восточной сторонѣ;
Праху ихъ сосѣдитъ справа

Петропавловскій въ землѣ;
Впереди опять могила,
Но не знаю: чья она?
Непогода надпись смыла,
Все разрушила до тла!
Слѣва тянется дорожка,
Ведетъ дальше на востокъ;
Отъ дорожки той есть тропка,
Она вьется въ уголокъ;
Этотъ уголъ—въ стѣнахъ храма,
Отъ народныхъ укрыть мѣстъ;
Его видитъ лишь дуброва,
Да стоящій вблизи крестъ!
Поклонюся праху, стану
Въ непроглядный уголокъ;
Въ книгу прошлаго загляну
И читаю въ ней урокъ.—
Все бывшее пронеслося!
Разомъ стало впереди!
Ничего не осталось—
Вспоминанія одни;
И они замрутъ съ порою,
И забудется на вѣкъ
Жизнь съ своею суетою,
А съ ней—жалкій человѣкъ!

Тяжело чрезвычайно
Мнѣ на сердце вѣетъ свѣтъ!
Все непрочно въ немъ, случайно,
Ни въ чемъ радостнаго нѣтъ.—
Миръ надеждъ и миръ желаній
Превращаетъ рокъ во прахъ
И отъ лестныхъ ожиданій
Остается одно „ахъ!“
Мнѣ любезная могила
Еще свѣжестью разить:
Рано пасть земля раскрыла
Для того, кто въ ней зарытъ.—
Въ ней зарытъ Евгеній Вьюковъ,
Богатырь онъ былъ собой!
Ростомъ больше шести футовъ
И здоровіемъ стальной;
Станъ солидный, поступъ твердый,
Голосъ звучный, какъ труба,
Взоръ угрюмый, видъ серьезный,
Глаза съ просвѣтомъ ума;
Онъ студентъ и дослужился
До регалій и чиновъ;
Не протекціей добился,
А системою трудовъ;
Службу зналъ и зналъ законы,

И разумно поступалъ;
Слышалъ бѣдныхъ вопли, стоны
И ихъ къ сердцу принималъ;
Изъ пустого эгоизма
Никого не обижалъ,
Ненавидѣлъ терроризма,
Одного добра желалъ.
Дорогой онъ былъ исправникъ!
Дорогой мужъ для жены!
Дорогой дѣтямъ наставникъ
И хозяинъ для семьи!
Онъ въ знакомства не пускался
И пировъ не задавалъ,
Моды свѣта не держался,
Скромно жилъ и не должалъ.—
Но судьба не пощадила
Ни таланта, ни добра,—
Въ гробъ сосновый уложила
Жизнь такую, что цвѣла
И спокойствомъ и довольствомъ,
И надеждой впереди,
И служила руководствомъ
Для порядочной семьи.—
Мой разбитый челнъ волною
Хотѣлъ Вьюковъ покрѣпить

И могучею рукою
Снова на воду пустить;
Ужъ надежда озарилась
Лучемъ доли золотой;
Какъ гроза вдругъ разразилась
Надъ рабочей головой.—
Рокъ внезапно свелъ въ могилу
Его сына молодца,
Грусть и слезы по томъ сыну
Надломили грудь отца;
Въ первый разъ отецъ почуялъ
Боль въ стальной своей груди,
О леченьи не подумалъ,
Словно не было нужды.—
Такъ болѣзнь къ нему привилась,
Дѣла службы помогли,
Искра въ пламя превратилась —
Язвы въ легкія зашли;
Кровь гортанью показала,
Пригласилъ тогда врачей;
Но болѣзнь ужъ разыгралась —
Нужно было драться съ ней!
.
Девятнадцатаго Марта
Въ моей хатѣ—подъ горой,

Чуть теплилась лампада
Предъ иконою святой.—
Была ночь—всѣ люди спали,
Невиднѣлося огня!
Однѣ волны бушевали
Разъяренаго Меча;
Ручьи съ горъ бѣжали съ шумомъ,
Гдѣ то сычъ во рву стоналъ,
И подъ Каменевымъ лугомъ
Песъ голодный завывалъ;
Вѣтеръ дулъ и той порою
Въ окно жалобно свисталъ;
Приглашалъ меня къ покою:
Часъ полночный наступалъ.—
Но въ душѣ моей тревога
Словно вторила веснѣ,—
Грусти не было отлога
Отъ думъ мрачныхъ въ головѣ!
Я лежалъ и волновался,
Сонъ отъ глазъ моихъ бѣжалъ;
Слышу—кто то постучался,
Меня именемъ назвалъ.
Узнаю я—совершилось
Назначеніе судьбы:
Сердце доброе отбилося

Для меня и для семьи.—
Прихожу и вижу мертвый
Лежить точно, какъ живой;
Сталъ читать я стихъ надгробный
„Со святыми упокой.“
И слеза, какъ туча, градомъ
Пролилась изъ глазъ тогда:
Мнѣ представилося разомъ
Все, что сдѣлала судьба!
Она горемъ наградила
Душъ шестнадцать въ одинъ разъ,
Два семейства раззорила
Злая вѣдьма въ одинъ часъ;
Семью въ трауръ облачила,
Средства къ жизни отняла,
Меня въ пухъ и прахъ разбила,
На страданье обрекла!
Похоронными стихами
Въ продолженіи дней двухъ,
Роснымъ ладономъ, свѣчами
Раззнакомила всѣхъ вдругъ.—
Никого друзей не видно:
Отклонилися друзья!
Были други очевидно,
Но до чернаго лишь дня.—

День на третій заявився
Полицейскій персоналъ,
Обрядъ должный совершился—
Заступъ яму закопалъ.—
Такъ вотъ свѣжая могила
Появилася въ рядахъ!
Судьба слезкой наградила
Грудь мою въ чужихъ краяхъ;
И теперь зарей плетуся
На могилу друга я;
Тутъ поплачу, помолюся
И прощаюсь, говоря:
„Другъ студентъ! меня студента
Ты за гробомъ помяни
И, какъ докторъ паціента,
Божью милостью найди!“

Въ отставку.

Пришла бѣда
Нежданая,
Легла горой
Непрошенной,
И екнуло
Сердеченько,

Какъ словно громъ
За молніей.—
Судьба моя,
Какъ мачиха,
Грызетъ меня,
Какъ пасынка;
Настанетъ день
Незнаю я,
Какъ съ горемъ злымъ
Управиться:
Въ карманѣ нѣтъ
Ни грошика,
Затѣй—бѣда—
До пропасти;
Жена ворчитъ,
Ерошится:
По модѣ жить
Ей хочется.—
Дитя кричитъ—
„Дай булочки;
Купилъ бы я,
Да не-на-что;
Занять пошолъ,
Да лопнули
Кредиты всѣ

До ниточки;
Работъ искалъ,
Да нѣту ихъ;
Въ закладъ тащить,
Да не-чего!

Огонекъ.

Настанетъ ночь и я съ тобою
Сижу за однимъ огонькомъ,
Тяжело вздыхаю порою;
Но вздохъ вылетаетъ тайкомъ.—
Накрыть огонекъ абажуромъ,
Блѣдный отражается свѣтъ;
Ведемъ разговоръ мы другъ съ другомъ,
Но въ немъ утѣшенія нѣтъ.—
Я одинъ всегда разсуждаю,
Рѣдко слышенъ твой голосокъ;
Взгляну на тебя, примѣчаю —
Твой умъ отъ вниманья далекъ.—
Сидишь ты и тайно мечтаешь,
Но грустны, какъ вижу мечты;
Хоть ты отъ меня ихъ скрываешь;
Но плохо—я вижу слѣды.—
Лицо твое мрачно и блѣдно,

Вотъ точно, какъ нашъ огонекъ!
Страдаешь, и это замѣтно;
Печально такъ смотритъ глазокъ.—
Знать грустна такая бесѣда
И въ тягость быть можетъ тебѣ;
Быть можетъ не гонишь сосѣда,
Какъ равнаго только себѣ.—
Въ такой то хаосъ углубляюсь,
И грудь отъ тоски заболитъ:
Въ тоскѣ къ огоньку обращаюсь
И вижу, горитъ онъ, горитъ;
Горитъ онъ и нѣмо, и блѣдно;
Но лучъ свой бросаетъ на все:
Полезно ли то, или вредно,
Нѣтъ дѣла ему до того. —
Мила ему жизни минута,
Онъ жизнью одной дорожитъ,
И будетъ свѣтитъ намъ покуда
Ему есть возможность пожить.—
Недиво огонь уничтожить,—
Вотъ дунь; и не станетъ его;
И тьма покрывало наложить,
И въ комнатѣ станетъ темно;
И станешь впотьмахъ спотыкаться,
Могучую грудь зашибешь,

Начнешь съ невозможнымъ сражаться
И рано мой другъ отцвѣтешь;
Безъ шума, какъ листикъ, погибнешь,
Безъ свѣта—погибнешь во тьмѣ;
И поздно всю тайну постигнешь,
Вспоманешь не разъ объ огнѣ.—
Прикажи! разстанусь съ тобою
И угасну, какъ огонекъ;
Не волей,—я посланъ судьбою
На служенье въ твой уголокъ.—
И вѣренъ судьбы назначенью:
Всей душою преданъ тебѣ,
И въ этомъ нѣтъ мѣста сомнѣнью,
Какъ только посудишь о мнѣ.—
А зачѣмъ? Взгляни на бывшее!
Такъ много въ немъ слезъ пролито;
Едва ли твое ретивое
Все вынести могло бы одно!
Я съ дѣтства намѣченъ для горя,
И горе терплю, и терпѣль;
Но злыхъ волнъ житейскаго моря
Я знать никогда не хотѣлъ.—
Ни разъ собиралися тучи
И падали вдругъ на меня;
Но геній мой твердый, могучій

Боролся съ грозою шутя.—
Слезинки изъ глазъ не ронялись,
Подъ громъ я всегда танцевалъ,
Глупцы надо мною смѣялись,
А умный меня уважалъ.—
Горю, какъ огонь, предъ тобою
И свой отражаю я свѣтъ;
Борюся я съ долей плохою
И ни въ чемъ уступки ей нѣтъ. —
Полезно ли, вредно-ль для доли—
Я знать не хочу ничего;
Характера твердаго, воли
Не продамъ теперь ни за что.—
Пусть низости, глупости въ модѣ!
Дорогой я той не пойду:
Мнѣ хочется жить по свободѣ—
До счастья трудомъ я дойду!
Мнѣ жизнь дорога, а веселье
Дороже всего на землѣ;
Такое мое поведеніе
Ты видишь всегда при огнѣ;
И когда огонь этотъ блѣдный
Меня навсегда замѣнитъ,
То вспомни тогда, что другъ вѣрный
И въ гробѣ веселый лежитъ!

Ну-съ!

Ну-съ! такъ ѣдетъ нашъ Иванъ
За воздушный океанъ,
Ѣдетъ къ солнцу за кольцомъ
Безъ дороги—на проломъ;
Моря горы впереди.....
Нашъ Иванъ кричитъ поди!
Ничего не хочетъ знать,
Только встрѣчу примѣчать,
Чтобы солнцу рассказать:
Солнце тайною тропой
Любить знать про шаръ земной,
Чѣмъ онъ занять, что творить,
Когда ночью солнце спить,
И о чемъ ему луна
Не доносить никогда.—
Ѣхалъ, Ѣхалъ и вотъ вдругъ
Иванъ видитъ шагахъ въ двухъ
Стоитъ домикъ небольшой
Съ хитрой надписью такой:
„Заведеніе трактиръ,“
Для Ивана то кумиръ,
И Иванъ нашъ не стерпѣлъ,
Выпить въ сладость захотѣлъ;

Слезъ съ коня живой рукой,
Въ трактиръ входитъ: Половой!
Подавай живѣй вина,
На закуску два блина,
Да повѣдай скорѣй мнѣ,
Что творится тутъ во тьмѣ,
Когда солнце не глядитъ
И начальство мирно спитъ?
Половой же былъ чудакъ,
Получивъ на чай пятакъ,
Онъ отъ глупой простоты
Рѣчь повелъ про суеты.—
„Какъ пробьетъ десятый часъ,
Запираются у насъ.
Двери, окна на запоръ,
А калитка, что во дворъ
Остается отперта;
И идутъ въ трактиръ тогда
Всѣ честные господа,
Кому днемъ нельзя ходить,
Кто подписку далъ не пить,
Членомъ трезвости слыветъ
И украдкой ночью пьетъ;
А за трезвыми плывутъ
И такіе, что слывутъ

Людьми строгими, какъ духъ,
Хоть имѣють сонмъ подругъ;
И къ подругамъ изъ любви
Пьютъ всю ночку—до зари;
Рѣчь окончивъ, за стѣной
Скрылся бравый половой.—
А Иванъ, понявши тонъ,
Квартиру выпилъ, пошолъ вонъ,
Сѣлъ на коня и погналъ,
Но версты не проскакалъ,—
Какъ вотъ снова видитъ онъ
Домъ со множествомъ оконъ,
Домъ большой въ пять этажей,
Тьма зажжена въ немъ свѣчей,
И людьми онъ весь набить,
Адомъ Дантовскимъ глядитъ.—
Но Иванъ былъ не простякъ,
Для него и адъ пустякъ,
Церемоніи онъ зналъ,
Слѣзъ съ коня и зашагалъ.—
Вотъ приходитъ въ самый глубъ,
Узнаетъ, что это клубъ;
А онъ съ клубомъ былъ знакомъ
И за первымъ же столомъ
Тутъ пріятеля напалъ,

Винтитъ въ карты съ нимъ началъ;
И свинтился до того,
Что остался безъ всего:
Безъ одежды, безъ сапогъ
И коня сберечь не смогъ:
Разгорѣлись страсти въ немъ,
Позабылъ онъ обовсемъ:
Про невѣсту и про мать;
Сталъ Иванъ на все плевать:
На знакомыхъ, на друзей;
Отшатнувшись отъ людей,
Онъ до солнца не дошолъ,
А мошенничать пошолъ!
Вотъ въ какой его азартъ
Привела колода картъ!
Ѣздилъ онъ четверикомъ,
Теперь ходитъ босякомъ,
Про трактиры говоритъ,
А на клубъ и не глядитъ. —

Третья любовь.

Двѣ любви пережилъ,
Раззорился кругомъ,
И остался съ чѣмъ былъ

При крещеньи святомъ;
Въ одномъ имени лишь
Капиталь теперь мой,
Да и тотъ вотъ, глядишь,
Поглотится бѣдой.—
Сердце бѣдное вновь
Полюбило не ту,
И вотъ эта любовь
Принесетъ мнѣ бѣду;
Мнѣ не въ мочь одолѣть
Бѣды третей моей,
И придется залечь
На кладбищѣ отъ ней:
Холодна словно ледъ,
Сердце нѣтъ у нея,
И я чую впередъ—
Гдѣ гибель моя.
День наступить, когда
Съ равнодушной душой
Подастъ руку она
На прощанье со мной,
И отправится въ путь
Безъ слезы на щекъ,—
Не вздохнетъ ея грудь
О быломъ на землѣ!

Вотъ ударъ роковой
Расшибетъ мою грудь,
И разбитый, больной
Не смогу я вздохнуть.—
Сердце лопнетъ мое—
Пошатнусь и угасъ,
Съ смертью скроется все
Отъ моихъ тогда глазъ.—
Хоть развязки такой
Я какъ яда боюсь,
Но бороться съ судьбой
Ни за что не рѣшусь:
Свыше силъ та борьба
Моей смертной груди;
Пусть она холодна
Я умру отъ любви!

Р а н е н ы й.

Въ послѣдній разъ я воспоминаю
Подъ Плевной нашъ кровавый бой,
Отъ пуди Плевненской кончаю
Я жизнь на койкѣ роковой.—
Въ груди моей воскресла рана,
Исходъ предвидится плохой;
Врача мнѣ дали ветерана,

Но онъ качаетъ головой.—
Сей-часъ консиліумъ сзываютъ,
Но вижу я—напрасный трудъ!
Минуты жизни угасаютъ
И грезы въ гробъ меня зовутъ.—
Галлюцинація со мною:
Героевъ вижу старины,—
Они проходятъ предо мною
Подъ фонаремъ нѣмой луны;
Поникли головы ихъ долу,
Идутъ не фронтомъ старики,
И горе, видимо, ихъ съ гору.
Я слышу вздохи лишь одни—
И знаю я о чемъ вздыхаютъ:
Отчетно слышенъ кодексъ словъ,
Героя въ вѣчность провожаютъ
Они изъ воискихъ рядовъ;
Отжился онъ и съ нимъ отставки
Отваги всѣ изъ войскъ берутъ;
А пушки Круппа и Берданки
Вѣнки лавровые ихъ жнутъ.—
Какъ только силу пуль представишь,
Невольно оторопь беретъ:
Лба и стального не подставишь,
Навѣрно знаешь, что пробьетъ!

Замокъ.

Я видѣлъ замокъ преобширный,—
Стоитъ за городомъ въ глуши;
Тотъ замокъ каменный, массивный
Проводитъ дни свои въ тиши.—
Какой-то тайною онъ смотритъ
На Божій міръ со всѣхъ сторонъ,
И много думъ съ тоской наводитъ
Угрюмый видъ его оконъ.—
Грузны желѣзныя рѣшотки
Въ его измазанныхъ окнахъ
И рѣдко гдѣ открыты фортки,
Знать не до воздуха въ стѣнахъ;
Покоевъ много, но огромнымъ
Замкнуты двери ихъ замкомъ;
По корридорамъ длиннымъ, темнымъ
Дежурный ходитъ съ тесакомъ;
Ворота замка охраняетъ
Солдатъ съ заряженнымъ ружьемъ;
И каждый вечеръ отбиваетъ
Барабанщикъ зорю въ замкѣ томъ.—
На кровлѣ замка крестъ я видѣлъ
И слышалъ колокола звонъ;
Но ни кого изъ тѣхъ не видѣлъ,

Кого къ моленію звалъ онъ.—
Тѣ богомольцы за стѣною
И тайнымъ ходомъ ходятъ въ храмъ,
Что за народъ? съ какой душою?
Судить то Богу, а не намъ.

Безсонница.

Тихонько вѣтеръ подуваетъ
И дождикъ дробненькій росить,
Луна изъ тучъ не выплываетъ
И тьма надъ городомъ стоитъ;
Ужъ люди спятъ и сонъ спокойный
Имъ поданъ мирною судьбой,
Одинъ лишь я въ ночи безмолвной
Не сплю, какъ вѣрный часовой.—
Отъ думъ тяжелыхъ мнѣ не спится,
Клокочетъ кровь, въ груди тоска:
Съ разсвѣтомъ дня бѣда примчится—
Проснутся дѣти и жена;
Запросятъ хлѣба и о горе!
Мнѣ адъ придется испытать:
Потребностей житейскихъ море,
А денегъ гроша не гдѣ взять!
Кредита нѣтъ нигдѣ и только

На то я жилъ, что могъ прожить,
И бѣденъ сталъ теперь настолько,
Что нечего и заложить.—
Давно всѣ вещи съ рукъ спустили,
Снесли безъ выкупа въ закладъ,
И деньги тѣ, что получили
Давно въ рукахъ чужихъ звенятъ;
Во всей квартирѣ лишней тряпки
Ищи съ огнемъ и не найдешь;
Вотъ какъ увидешь въ слезахъ глазки
Такъ день женитьбы проклянешь.—
Для сердца любящаго больно
Услышать плачъ и не помочь.—
Судьбу клянешь тогда невольно,
Когда несешь бѣду не вмочь!

Откровенность.

Сердце чуетъ—ты не любишь,
Отъ кого ведешь и споръ;
То, какъ будто, приголубишь,
То бросаешься въ раздоръ!
Если бъ ты меня любила,
Грудь мою бы берегла,
Мою-бъ кровь не кипятила,

А была бы все равна.—
Но ты ищешь развлеченья,
Издѣваясь надо мной,
Равнодушно безъ сомнѣнья
И разстанешься со мной;
Улыбнешься, посмѣешься
И махнешь на все рукой;
О всемъ прошломъ отзовешься,
Какъ о глупости пустой.—
Что мнѣ дѣлать? я не знаю,—
Вотъ ночь цѣлую не сплю:
Отъ тебя я такъ страдаю,
Отъ тебя и слезы лью!
Въ моемъ сердцѣ эту рану
Создала твоя любовь,
Для чего судьба отраву
Приготовила мнѣ вновь?
Теперь видно—для могилы!
Ахъ! какъ больно для меня!
Не хотѣлось бы, другъ милый,
Умирать мнѣ отъ тебя.—
Но насильно милъ не будешь,
Я изсохъ въ борьбѣ съ тобой;
Ты тотчасъ меня забудешь,
Какъ разстанусь я съ тобой.—

Головы твоей идеи
 Моей жизни не щадять,
 Что ни день, твои затѣи
 Рану глубже вередятъ.
 Ахъ! не вѣдалъ я несчастный
 Что гибель обрѣту,—
 Что въ любви твоей коварной
 Не желанный гробъ найду!

Прогулка.

Блѣдный мѣсяцъ плыль спокойно
 По небѣсной синевѣ.
 Ночь тиха была, безмолвна,
 Спало все въ той тишинѣ.
 Рѣка, словно, какъ твердыня—
 Зыби не было по ней,—
 И долина, какъ пустыня,
 Прилегала молча къ ней;
 Не тревожилась ракета,
 Не трепался и кустокъ,
 Луннымъ саваномъ укрыта
 Жизнь молчала, какъ листокъ!
 Въ эту пору подъ горою
 Огонекъ не угасалъ,
 Онъ увлекъ меня собою

И, какъ будто. приглашалъ.—
Подхожу и что же вижу?
Сидить дѣва у окна,
Горько плачетъ и я слышу
О чемъ слезы льетъ она;
Ее сердце полюбило,
Да ошиблось—не того,
Себя радости лишило
И покоя ни за что.—
Другъ коварнымъ оказался:
Измѣнилъ онъ клятвамъ всѣмъ,
Онъ съ другою повѣнчался
А ее забылъ совсѣмъ.—
Долго дѣва тосковала,
Наконецъ занемогла,
И степенно догарала,
Какъ зажженная свѣча!
Черезъ годъ сюда пришедши;
Я ужъ дѣвы не засталъ,
А на кладбище зашедши,
Тамъ крестъ новый увидалъ!

ДѢЛЫ.

Я выросъ круглымъ сиротою
И рано сиротой остался;

Не ходилъ по міру съ сумою,
А по чужимъ угламъ скитался.—
Привѣты и ласки чужіе
Не могли родными казаться,—
Въ нихъ слышались звуки пустые,
Чѣмъ сердцу нельзя наслаждаться. —
Забившись въ уголъ отдаленный,
Я на всѣхъ изподлобья глядѣлъ
И думы своей затаенной
Тогда ни съ кѣмъ дѣлить не хотѣлъ;
А думалась дума лихая:—
Я завидовалъ жизни другихъ,
Мнѣ доля суровая, злая
Не давала отрадъ никакихъ;
Меня звѣзда путеводная
Не носила на крыльяхъ орловъ,
А жизнь сироты бездольная
Не снимала желѣзныхъ оковъ.—
Полусытый, чаще голодный
У людей я пріюта просилъ;
Въ день зимній, суровый, холодный
Меня ни разъ морозъ костенилъ.—
Я трясся—дохмотья не грѣли,
Плачь мальчишки не трогалъ людей,
На меня съ презрѣньемъ смотрѣли,

Отъ меня уводили дѣтей.—
Для всѣхъ я казался чумою
И всѣ зачумиться боялись,
Какъ только встрѣчались со мною,
Тотъ часъ отъ меня удалялись
Родовитая кровь душила,
Мой геній на людей свирѣпѣлъ;
Со всѣхъ сторонъ горе давило,
Но я молча лишенья терпѣлъ;—
Тогда могила суровая
Мнѣ казалася счастьемъ большимъ,
Гробовая крышка тесовая
Однимъ лучшимъ подаркомъ земнымъ.—
Я жаждалъ быть гостемъ погоста,
Постоянно о смерти мечталъ:
И ранняго гостя погоста
Идеаломъ всегда представлялъ;
Лишь въ смерти я видѣлъ отраду
И о жизни радѣть не хотѣлъ;
Но судьба вдругъ, какъ бы въ награду,
Мой земной измѣнила надѣлъ.—
Я выросъ, справился силою
И началъ работать, работать;
Разстался съ думой могильною,
О наживѣ началъ помышлять.—

Пока мало золота было,
Покой въ жизни и счастье я зналъ
Но съ приливомъ все то убыло—
Злую горечь я злата узналъ.—
Мнѣ злато дало наслажденье
И тутъ я къ жизни сталъ ревновать,
Могила и въ ней разрушенье
Начали мой покой возмущать.
Въ театрахъ, балахъ и попойкахъ
Я старался разсѣять себя,
А смерть у меня на закоркахъ
Сидитъ и все теребитъ меня.—
Ни веселья, ни скученъ бываю
На пирушкѣ пріятельской я,
Но мучусь и страшно скучаю
Послѣ, какъ разойдутся друзья;
Мнѣ грезятся страшныя грезы,
Что, вотъ будто, я скоро умру,
И текутъ горячія слезы
О томъ, что такъ не прочно живу.—
И молча тогда разсуждаю
О двухъ житейскихъ доляхъ своихъ,
И въ первой покой полагаю,
А въ послѣдней мытарство живыхъ!

Птичка.

Птичка, птичка Расскажи—

Гдѣ ты нарядилась?

Тотъ магазинъ укажи,

Гдѣ ты всѣмъ скупилась.—

Твой нарядъ такъ милъ душѣ,

Я глядѣлъ бы вѣчно:

Все завидно такъ въ тебѣ,—

Ты живешь безпечно.—

Безъ заботы, безъ труда,

А веселья вволю,

Хоть голодна повсегда,

А нѣтъ мѣста горю.—

Хищникъ вѣтся надъ тобой,

Ты не унываешь!

Дружно такъ живешь съ судьбой,

Что ей довѣряешь.—

Богъ не дастъ, свинья не съѣстъ,

Смерти не боишься;

Солнце глянетъ спѣшишь съѣсть,

Подъ листъ пріютишься;

Не горюешь, а поешь,

Порхаешь спокойно;

И урокъ тѣмъ намъ даешь,

Какъ и намъ жить должно!

Утро Рождества.

Рано—утренней зарей—
Въ праздникъ Рождества
Съ кривой длинною клюкой
Ходить старина.—
Унтеръ старый и сѣдой,
И старыхъ временъ:
Севастопольскій герой
И Карсовскихъ стѣнъ!
Его громкій баритонъ
Звучень, какъ труба;
Ходить онъ изъ дома въ домъ
И славить Христа.—
Вотъ, какъ ступить за порогъ,
Крестъ на грудь кладетъ,
Испускаетъ теплый вздохъ,
И тропарь поетъ.—
И какъ сладостно душѣ
Слушать эту пѣснь:
Въ этой пѣснѣ слышна мнѣ
Ангельская вѣсть!
Уношуся я тогда
Мыслей въ старину,
И рожденія Христа

Всю картину зрю,
И съ охотой подаю
За трудъ старинѣ,
Провожая, говорю:
„Спасибо тебѣ!

Безсердечная.

Ночь все тьмою прикрываетъ.—
Вотъ спить городъ, тишина;
Мать младенца пеленаетъ,
Снаряжаетъ въ путь дитя;
Крестъ на шейку налагаетъ
И записочку даетъ;
Въ шаль худую одѣваетъ,
На постель его кладетъ.—
Дитя только, что родился;
Какъ судьба разить его:
Родной грудью покормился
Трое сутокъ онъ всего,
И теперь вотъ угасаетъ,
И угаснетъ навсегда:
Мать полночи дожидаетъ,
Чтобъ разстаться съ нимъ тогда.—
Жребій тяжкій и тревожный—
Изъ рукъ матери родной

Въ ночи темной, въ часъ полночный
На порогъ залечь чужой.—
Сердце чуетъ, открыль глазки
И глядитъ на мать свою!
Гросить онъ послѣдней ласки,
И послѣдней на жизнь всю.—
Безсердечная родная!
Не вздыхаетъ ея грудь!
Беретъ молча, не рыдая,
Отправляется съ нимъ въ путь.—
Ночь прошла и разцвѣтало,
Когда мать пришла домой.—
Гдѣ-жъ дитя ея дышало
Этой утренней зарей?
Онъ подъ кровлею чужою,
У сторожки городской,
Горько плачетъ и слезою
Просить тамъ груди родной.—
Боже! мать имя святое,
Дай же чувства больше ей,
Что-бъ дитя ея родное
Не страдало хоть отъ ней!

Откровенность пріятеля.

Сословнымъ уваженіемъ
Не пользуюся я,
Со злобою, съ презрѣніемъ
Всѣ смотрятъ на меня;
Вотъ словно всѣмъ помѣхою
Служу я на землѣ:
Съ одною лишь потѣхою
Встрѣчаюся вездѣ.—
Пріѣхалъ въ городъ въ пятницу
И первымъ тутъ кулакъ
Честитъ меня, какъ пьяницу,
А лучше то-ни какъ;
На площади встрѣчается
Со мной городской
И страшно величается
Начальствомъ надо мной!
Не тамъ коня поставилъ я,
Не тамъ и самъ стою,
И былъ готовъ каналія
Измять шею мою.—
У храма у Соборнаго
Квартальный повстрѣчалъ,
Такого ужъ задорнаго

Я въ жизни не видалъ.—
Ну просто на смѣхъ городу
Началъ меня бранить,
Безчестить мою бороду.
Въ трактирномъ заведеніи
Я вечеромъ сидѣлъ,
И тутъ о искушеніи
Съ сосѣдомъ рѣчь имѣлъ;
Сосѣда хоть не знаю я,
Но малый—съ головой:
Онъ всѣ мои сомнѣнія,
Рѣшилъ живой рукой!
„Печалиться не слѣдуетъ
Такъ рѣчь сосѣдъ началъ,
Писанье проповѣдуетъ:
Господь до насъ страдалъ.—
По виду все разумные
Чинили тебѣ зло,
А въ сущности безумные,
Изъ умныхъ—ни кого!
Людскаго, другъ, достоинства
По виду не узнать:
Такъ вотъ знай же, что ты пчелка
Житейской суеты;
Жизнь твоя ни чуть не горька:

Въ ней царствуютъ труды.
А вѣдь трудъ?—святое дѣло—
Міръ созданъ для трудовъ,
И твой умъ одинъ всецѣло
Довольнѣй всѣхъ умовъ!
Если есть стомаха водки,
Селедочки кусокъ,
Такъ желанья твои кротки—
Спокоенъ ты, дружокъ.“
Рѣчь разумнаго дѣтины
Спокоила меня,
Теперь глупыя картины
Не трогаютъ меня!

Безродный.

Дума моя, думушка,
Тяжела ты мнѣ!
Змѣею голубушка
Лежишь на душѣ;
И своею тяжестью
Кипятишь всю мочь,
Горемъ, а не радостью
Даришь день и ночь;
Нѣтъ отца и матушки,

Не знаю ихъ я,
Чужимъ для забавушки
Бросили меня;
Въ ночь бурную, мокрую
Подняла меня
Сироту безродную
Чужая семья.
Подъ чужою крышею
Росту всѣмъ чужой,
Какъ подпольной мышью
Недовольны мной:
Нигдѣ то нѣтъ приѣма
Роднаго то мнѣ
Знать нѣтъ токого дома
Нигдѣ на землѣ!
При долюшкѣ безцвѣтной
Каиномъ брожу,
И въ топлѣ разноцвѣтной
Матушку ищу.—
Быть можетъ встрѣчаюся
Съ родною своей,
Но съ нею незнаюся—
Не узнать мнѣ ей!
Золота червоннаго
Крестикъ золотой

Надѣтъ на безроднаго
Родною рукой;
Одинъ онъ мнѣ примѣта
Матери моей.
Несется вотъ карета—
Не она ли вней?

Масляница.

Въ курной хатѣ за столомъ
Сидятъ ребятишки.
Семьей возятся съ блиномъ,
Черны, какъ мартышки;
Всѣ измазаны они
Масломъ и сметаной,
Спѣшать въ маслячные дни
Заняться забавой.—

„Какъ наемся, такъ уйду
На конькахъ кататься,
Стрѣлой съ горки прокачу,
Будутъ удивляться!
Я на санкахъ обгоню,
Другой продолжаетъ,
Ему ноги подобью,
Вотъ тогда узнаетъ!

Не лихой наѣздникъ ты—
Править неумѣшь
Кричитъ третій изъ семьи,
Подбить не съумѣешь;
А вотъ я то отличусь—
На ледянку сяду,
И скорѣе всѣхъ скачусь
Подъ гору безъ ряду;
Коли драться? не ходить,
Мать кричитъ отъ печи,
Не то будете всѣ выть—
Настегаю плечи;
Всѣхъ веревкой отвожу,
Чтобъ смиренѣе были,
Да отцу еще скажу,
Дастъ онъ вамъ по тыли.—
Замолчали дѣтвора,
Угрось умоялась,
И, наѣвши, со двора
Разомъ вся убралась.—
Въ перегонки по селу
Ребятишки мчались,
Прибѣжавши на гору,
За катанье взялись.—
На горѣ же той народъ

Ужъ давно собрался,
Пѣль дѣвичей хороводъ,
Пляской занимался;
И съ гормоникой въ рукѣ
По кругу носился
Парень въ шляпѣ при перѣ,
Хороводъ дивился:
„То-то легокъ бѣсъ Игнать,
Дѣвушки шептали,
На все шельма таровать;
Живетъ безъ печали,—
Вотъ дастанется какой,
Та счастлива вѣрно:
Не увидитъ ужъ въ вѣкъ свой
Печалы навѣрно:—
Подъ горой и на горѣ
Толпа все густѣетъ;
Всѣ молодки по сосшлись,
Пошло веселѣе!
Старики-жъ гдѣ собрались,—
Тамъ идетъ хмельнѣе!

Д и т я.

Какъ умильно ты глядишь,
Дитя милое мое!

Чуть, чуть вотъ неговоришь
 „Позабудь горе свое!
 Научись хоть не много,
 Какъ жить надобно тебѣ:
 Не ищи въ жизни много,
 Бери малое себѣ!
 Будь доволенъ, чѣмъ судьба
 Надѣлила тебя разъ,
 И увидишь, что она
 И тебѣ даетъ милый глазъ!

Голубочки.

Какъ красивы голубочки!
 Какъ пріятны мнѣ они!
 Хоть бы были мои дочки,
 Также милы, какъ они.—
 Какъ незлобивы, какъ скромны,
 Нѣтъ обиды никому!
 Своимъ жребіемъ довольны:
 Живутъ парой и въ ладу;
 Не оставитъ жена мужа
 И не броситъ мужъ жены;
 Хоть имъ зной и злая стужа,
 Какъ и намъ присуждены.—

Хочешь въ жизни отличиться?
 Научись быть голубкомъ.—
 Педагогамъ недобиться
 До той мудрости умомъ!

Журавли.

Летятъ угломъ, куда стремятся?
 На югъ далекій, гдѣ тепло;
 Пришла пора переселяться:
 Наступитъ скоро холодно.—
 Кричатъ въ полетѣ и печальный
 Крикъ слышенъ въ выси голубой
 Съ небесъ летитъ поклонъ прощальный
 Отъ нихъ, да къ ихъ странѣ родной.—
 Въ сердцахъ у нихъ клокочетъ жалость
 О тѣхъ мѣстахъ, гдѣ родились;
 Хоть въ тѣхъ мѣстахъ прожили малость,
 Но ихъ тамъ крылья развились.—
 Въ родномъ гнѣздѣ жилось спокойно
 Подъ кровомъ матери родной,
 Жилось и сытно, и привольно,
 Минуты горькой ни одной!
 Ни разъ подъ облакомъ носился
 Кровавый хищникъ надъ гнѣздомъ

И хоть онъ голодомъ томился
Но оставался не причемъ:
Гнѣздо скалою неприступной
Было для поисковъ враговъ:
Лежало въ топи недоступной—
Подъ кровлей лозовыхъ кустовъ;—
Въ немъ имъ спокойно спалось ночью,
И въ немъ спокойно жилось днемъ,
Пока собрались съ силой мочью—
Развились грудью и крыломъ!
Такъ можно ли летѣть безъ плача
Въ сторону невѣдомую имъ?
Гдѣ ждетъ можетъ, быть можетъ, наудача,
Погибнуть всѣмъ предется имъ.—
Вотъ отъ чего полетъ имъ медленъ:
На югъ стремятся, не спѣша;
Хоть день прекрасенъ и безвѣтренъ —
Болитъ по родинѣ душа.
И я когда-то разставался
Съ любезной родиной своей,
Подобно журавлямъ терзался
Печалью горькою по ней!

Странникъ.

Дорогой старой столбовою,
Съ походнымъ ранцемъ за спиной,
Старикъ съ сѣдою бородою
Идетъ съ поникшей головой;
Одѣтъ въ подрясникъ, обутъ въ лапти,
На головѣ его скуфья,
Увидѣвъ старца въ такомъ платьи,—
Дьячекъ должно быть! рѣшилъ я;
Пойдемъ, пріятель со мной вмѣстѣ!
Вдвоемъ намъ будетъ веселей!
Скажи, гдѣ былъ ты, въ какомъ мѣстѣ,
Аль прямо съ родины своей
Идешь въ губернію по дѣлу
Передъ владыкой хлопотать,
Что бы на старости по свѣту
Сумы несчастной не таскать?
„Вотъ сорокъ лѣтъ, какъ я незнаю
Роднаго крова на землѣ,
Мѣста святыя посѣщаю,
Одинъ костыль товарищъ мнѣ;
Теперь иду вонъ въ ту обитель,
Что тамъ на сѣверѣ лежитъ,
Гдѣ жилъ Филиппъ—Руси святитель,

Хочу тамъ Богу помолить!
Что бѣ Онъ простилъ мнѣ согрѣшенье,
Я страшный грѣшникъ на землѣ,
Достойнъ вѣчнаго мученья,
За гробомъ нѣтъ блаженства мнѣ.—
Я былъ гусаръ, служилъ солидно!
Въ бояхъ считался храбрецомъ,
По службѣ дѣло шло завидно—
Я всѣмъ командовалъ полкомъ!
Имѣлъ большое состоянье,
Гремѣлъ набитымъ кошелькомъ;
Незналъ, что въ свѣтѣ есть страданье:
Встрѣчались бѣдные мелькомъ!
Всего довольно кругомъ было,
Во всемъ достатокъ—нѣтъ нужды;
Въ забавахъ время проходило,
Я строилъ пышные пиры;
Любилъ потѣхи, безразбора
Давалъ желаніямъ просторъ,
Готовъ идти былъ для задора
И сатанѣ на перекоръ.
Мнѣ до поры все съ рукъ сходило,
Во всемъ мнѣ счастье везло;
И лѣтъ пятнадцать все такъ было,
А вотъ затѣмъ не повезло!—

Изъ полка выгнали въ отставку
За буйство, пьянство и развратъ,
Тогда я, взявши въ руки шапку,
Дѣламъ своимъ не зналъ преградъ.—
Въ своей деревнѣ—надъ Десною
Вдали отъ свѣта и людей
Укрытый чащею лѣсною
Я звѣремъ жилъ изъ всѣхъ звѣрей.—
Атилой былъ я для крестьянства,
Змѣей гремучей для семьи,
Людской уродой для дворянства
И блуднымъ сыномъ для деньги.
Народъ терпѣлъ, но провидѣнье
Свою исполнило судьбу.—
Несчастья, словно наводненье,
Упали разомъ на главу:
Въ одну я ночь всего лишился
И сталъ чистѣйшимъ голякомъ;
Мой строй житейскій измѣнился,
Меня прозвали пошлякомъ.—
И всѣ вдругъ разомъ отшатнулись,
Съ презрѣньемъ бросили меня;
Тутъ силы генія проснулись—
Изъ мертвыхъ смертный воскресъ я,

Позналъ величіе земное,
Созналъ ничтожество людей,
И направленіе другое
Тогда же далъ жизни своей.—
Надѣлъ подрясникъ и взялъ палку,
И сорокъ лѣтъ съ нею хожу,
Съ дѣлами міра перепалку
Въ груди своей не содержу;
Избралъ одно своимъ удѣломъ—
Терпѣть обиды и прощать,
Не знаюсь больше со злымъ дѣломъ,
Стараюсь болѣе молчать.—
Замолкъ старикъ, но слезы градомъ,
Изъ глазъ сочилися его;
Простился я и пошелъ шагомъ,
Но шагомъ медленнѣй его.—
Въ мою башку запали думы
Очеловѣческой судьбѣ,
Затронулись больныя струны,
Хотѣлось страшно плакать мнѣ!

Л ъ с т е щ ѣ .

Опаснѣй звѣря въ свѣтѣ нѣтъ
Его ядъ сильнѣй ядовъ,
Но этимъ звѣремъ полонъ свѣтъ,

Рѣдкій чуждъ его оковъ!
Лисья харька и увертки,
Мягкій тихій голосокъ,
Рѣчь сладка, слова не громки
И съ улыбкою глазокъ!
Всегда онъ судьбой обиженъ.
Ни предъ кѣмъ онъ не кичить,
Предъ начальствомъ неподвиженъ:
Скалой мертвою стоитъ!
Безъ различья порученья,
Все исполнить онъ готовъ,
До скотскаго подчиненья
Подчиняется во всемъ;
Ради выгодъ, повышенья,
Всегда первый онъ слуга,
Прикажете, донесенье
Настрочить, хоть на отца;
Всѣ желанія и страсти
Ваши онъ предупредить;
Но случись съ вами напасти,
Отъ васъ первымъ убѣжить;
И тому про васъ расскажетъ,
Кто орломъ на васъ напалъ,
Васъ засалить и измажетъ
Всякой грязью наповалъ.

Но все это такъ устроить,
Что орелъ и непойметъ;
А все то, что льстецъ доносить,
Онъ за преданность сочтетъ.—
Къ равнымъ онъ душа святая,
Такъ внимателенъ всегда,
Случись съ вами вещь пустая,
Первымъ увидите тогда.
Онъ является къ услугамъ
И готовъ всегда помочь,
Васъ причислить къ своимъ друзьямъ,—
Просидитъ всю съ вами ночь;
Но случися грѣхъ серьезный,
Вотъ въ отставку гонять васъ,
Тогда этотъ другъ притворный
И не взглянетъ ужъ на васъ;
Предъ начальствомъ не протянетъ,
Не пожметъ вашей руки,
И въ такую позу станетъ,
Словно были вы враги.—
Къ низшимъ онъ всегда прекрасенъ;
Въ глаза кладъ вамъ посулитъ,
За глаза жъ змѣя, опасенъ:
Первый васъ онъ уязвитъ;
Слова добраго не скажетъ

Никогда начальству онъ,
Чѣмъ нибудь, да ужъ замажетъ—
Ужъ такой его законъ!
Все онъ съ цѣлію городить.
Каждый шагъ разчитанъ имъ,
Постель мягкую онъ строить
Лишь себѣ, а не другимъ.—
Хочешь, другъ, льстеца примѣтить?
Смотри прямо на глаза,
Онъ глазами также вертитъ,
Какъ лукавая лиса.—
Кто на ухо тебѣ дышетъ,
Избѣгай того огня!
Про другихъ тебѣ онъ пишетъ,
А другимъ вѣдь про тебя.

Нужда.

Эхъ нужда моя, нужда!
Чего ты не строишь?
По канату ты одна
Черезъ пропасть ходишь,
Восемнадцать верстъ ты въ часъ
Бѣгаешь по кругу,
Чего добрый конь у насъ

Не сбѣжить съ испугу.
Въ циркахъ стоя на коняхъ
Во весь скачъ несешься,
Сквозь бумагу въ обручахъ
Прыгнешь-несобьешься;
Въ гимнастическихъ дѣлахъ
Кажешься лозинкой
И въ воздушныхъ тутъ волнахъ
Кружишься пылинкой;
Коня ты и съ санями
Спиной поднимаешь,
Семью—восемью пудами,
Какъ мячемъ, играешь.—
Строишь фокусы порой—
Кинжалы глотаешь,
И въ стихіи водяной
Рыбку представляешь;
Входишь въ клѣтки злобныхъ львовъ,—
Мясо вырываешь;
И съ зантомъ изъ облаковъ
На землю сигаешь;
На театрахъ предъ толпой
Роли всѣ играешь,
По пятьсотъ верстъ пѣхтурой
Подъ часъ щеголяешь;

Въ лѣтнемъ ходишь пиджакъ
 Суровой зимою,
 Прозябаешь въ кабакъ
 И мрешь отъ запою!

Вы грышный билетъ.

Все за счастьемъ я гонялся!
 Думалъ, выиграетъ билетъ!
 Слава Богу!—развязался,—
 Вотъ теперь билета нѣтъ.—
 Въ двадцать лѣтъ я недобился
 Двух-сотъ тысячъ получить,
 Но страховкою платился,
 Чтобъ билетъ не погасить;
 Мимо рукъ доля моргала,
 Такъ и думалось, схвачу—
 Какъ таблица поступала,
 Такъ бывало въ ней ищу
 Номеръ серіи, билета;—
 И случалось иногда,
 На билетъ цифра эта,
 А на серіи—не та.—
 Ну пожду другого года:
 Жить съ надеждой хорошо;

На другой годъ таже мода,—
И такъ двадцать лѣтъ прошло!
Чѣмъ я не былъ въ эти годы?
О чемъ только не мечталъ?
То вотъ строилъ я заводы,
То имѣнія скупалъ;
То вотъ ѣздилъ за границу
И въ Америкѣ бывалъ,
Посѣщалъ порой столицу
И красотку содержалъ;
А обѣтовъ? —цѣлый коробъ
Понадѣлалъ тогда я;
Сиротъ круглыхъ цѣлый городъ
Содержался у меня;
И все это выигрышъ строилъ
Въ головѣ моей тогда;
Мысли онъ мои буровилъ,
Сердцу счастьемъ льстилъ всегда.—
Вотъ какъ я въ мечтахъ носился
Пока цѣль билетикъ былъ!
Надоѣло! разсердился,—
Взялъ билетикъ заложилъ.—
Года два платилъ проценты,
А затѣмъ не сталъ платить:
Всѣ надежды комплименты

Мнѣ мѣшаютъ мирно жить. —
 Лучше въ жизни мнѣ трудиться,
 Чѣмъ о тысячахъ мечтать;
 Трудомъ можно прокормиться,
 Вѣкъ безъ тысячъ скоротать!

Ж и з н ь.

Вотъ дорогою иду
 И на даль ея гляжу, —
 Вьется въ даль она змѣей,
 Въ горизонтѣ конецъ ей;
 Тамъ сводъ неба голубой
 Опирается на ней;
 И вотъ кажется такъ мнѣ:
 Если я туда пойду,
 То дорогой по землѣ,
 Въ небо Божее уйду!
 Эхъ! дорога, ты моя!
 Жизнь похожа на тебя:
 Неидетъ прямой стезей —
 Также вьется все змѣей;
 То съ добра свернетъ ко злу,
 То отъ зла свернетъ къ добру;
 И такъ тянешся все вдаль,
 Одну чувствуя печаль;

Въ горизонтѣ видна смерть,
 А по смерти также твердь
 На могилѣ на моей
 Ляжетъ тяжестью своей;
 И могила издали
 Горизонтомъ впереди
 Будетъ страннику служить
 И къ себѣ его манить!

Непріятность.

Какъ пришла бѣда
 Стопудовая
 И на плечи мнѣ
 Навалилася;
 Дугой гнуся я
 Во всѣ стороны
 Міра Божьяго,
 Прошу помощи.—
 Я друзьямъ поклонъ,—
 Отвернулись;
 Я знакомымъ—всѣмъ,—
 Усмѣхнулись;
 Не стерпѣла грудь—
 Разломилася:
 Тяжело вздохнуть

Довелось ей!
Вѣроломство врагъ
Въ жизнь тяжелую
Буровцомъ вертитъ
Грудь широкую;
Потекла слеза—
Облегчила боль,
Вскипятилась кровь,
Мочь вернулась!
Не скалой бѣда
Предо мной стоитъ,
А горой лежитъ
Переѣзжею;
Тяжело хоть возъ
Одному тащить,
Непосильный возъ
Еще на гору,
Но тяжелѣе мнѣ
Видѣть тѣхъ людей,
Что въ день свѣтлый мой
Издѣвались,—
За моимъ столомъ
Претворялися,
Своей дружбой мнѣ
Назывались!

Грозный.

По смерти брата мнѣ остался
Въ наслѣдство Грозный лишь одинъ.
И онъ ко мнѣ такъ привязался,
Что неразлученъ былъ я съ нимъ. —
Я съ нимъ шатался по дубравамъ,
Болота мѣрилъ съ Грознымъ я,
Зимой таскался по сугробамъ,
Въ засѣкахъ куцаго ища. —
Я съ нимъ дѣлился достояньемъ,
Дѣлился съ нимъ своимъ кускомъ
И относился съ состраданьемъ; —
Жилось намъ весело вдвоемъ!
Другъ другу вѣрны въ дружбѣ были:
Печаль и радость —пополамъ,
И молча все переносили,
Что выпадало порой намъ!
Не разъ застигнутый я ночью
Въ лѣсу дремучемъ ночевалъ,
Но спалъ спокойно всею мочью:
Въ бѣдѣ на друга уповалъ!
И другъ былъ вѣрною охраной —
Всю ночь онъ глазъ не закрывалъ,
При опасности хоть малой,

Мнѣ тотъ-часъ голосъ подавалъ;
Я бралъ ружье, приготовлялся,
А другъ, взъерошивъ шерсть, впередъ
На врага какъ тигръ бросался,
Хваталъ зубами и замретъ.
Ни разъ, меня онъ охраняя,
Всей жизнью жертвовалъ своей,
Уставивъ взоръ, хвостомъ виляя--
Вотъ словно молвить „не робѣй“!
Одно лишь въ Грозномъ мнѣ не мило —
Онъ зло рычалъ на всѣхъ гостей,
И то рычанье говорило,
Что будто люди злѣй звѣрей!

С к у к а.

Куда отъ скуки мнѣ дѣваться?
Пошолъ знакомыхъ навѣстить,
Но пришлось разочароваться:
Тоска змѣя вездѣ гостить!
Нигдѣ веселья не встрѣчалъ:—
Задумчивъ каждый и угрюмъ;
По взорамъ грустнымъ я замѣтилъ
Что чѣмъ-то каждый занять умъ; —
Грустить и держать грусть въ секретѣ,

Сказать не хочет ни кому;
Вотъ словно чуждъ онъ всѣмъ на свѣтѣ
И жалокъ только самому.—
Отколь взялась болѣзнь такая
Почти повальная въ нашъ вѣкъ?
Иль всѣхъ заѣла доля злая,
Или таковъ сталъ человѣкъ?
Скорѣе всего—я самъ виновенъ
И скуку самъ я создаю:
Ни чѣмъ я въ жизни не доволенъ—
День каждый новаго хочу!
Свои желанія и страсти
Я не стараюсь сокращать,—
Вотъ отъ такой-то злой напасти
Мнѣ и приходится скучать.

